

Призыв отнестись к произведениям Кэрролла как всего лишь к забаве великого писателя и не видеть в них более того, что в них есть, вполне оправдан, так как у последователей и подражателей Кэрролла можно найти самые неожиданные сюжеты: например, 1) слова из «Jabberwocky» — знаки языка будущего. Правильно понятые, они раскрывают технику проникновения в четырехмерный континуум пространства — времени (L. Padgett. *Mimsy Were the Borogoves*), или 2) сказки Кэрролла — вовсе не сказки, а правдивое повествование о действительной жизни в другом измерении. Ключи к сказкам скрыты в математических трактатах Кэрролла и в стихотворениях, которые на самом деле являются акростихами (F. Brown. *Night of the Jabberwock*) [1, с. 170].

«Джаббервоки» из книги «Алиса в Зазеркалье» остается любимым произведением почитателей Кэрролла и, по мнению Мартина Гарднера, автора «Аннотированной Алисы», обладает непринужденной звучностью и совершенством, не имеющим себе равных [3, с. 192]. Это стихотворение является также основным вкладом Кэрролла в словарный состав английского языка. Разделяя в целом пафос призыва Честертона наслаждаться чтением и избегать чрезмерной серьезности в нашем отношении к творчеству Кэрролла, мы тем не менее обращаемся к научному анализу этой баллады, которая содержит богатый материал для лингвистического исследования.

«Jabberwocky» уже привлекала внимание лингвистов. С грамматической точки зрения ее рассматривали Ч. Фриз [4] и Ч. Хоккет [5], прекрасный анализ трех переводов баллады на русский язык дает М. В. Панов [6], общетеоретические замечания можно найти у Р. Сазерленда [7], интерпретацию неологизмов в балладе дал Э. Партридж [8], толкование трудных для восприятия слов можно также найти в комментариях М. Гарднера [3].

Целью нашей статьи является словообразовательный анализ стихотворения; в котором наряду с уже прочно вошедшими в английский язык словами, авторство которых принадлежит Кэрроллу, есть 1) слова, которые остаются его индивидуальными образованиями; 2) слова, которые находятся на пути вхождения в общеупотребительную лексику; 3) слова, в которые автор вдохнул новую жизнь; и, наконец, 4) слово, которое автор считает своим изобретением (что вполне можно допустить), но которое задолго до Кэрролла существовало в языке.

Нашей задачей будет уточнить существующие и, где это кажется необходимым, предложить новые интерпретации некоторых спорных, допускающих несколько толкований, слов. При этом мы будем опираться на пояснения самого Кэрролла, толкования Э. Партриджа, комментарии М. Гарднера и данные четырех томов приложения к Большому оксфордскому словарю под редакцией Р. Берчфилда [9]. Было бы также интересно сопоставить и варианты переводов этих слов на русский язык, однако наши возможности ограничены рамками статьи. Материал для такого сопоставления частично содержится в упоминавшейся работе М. В. Панова [6].

JABBERWOCKY

'Twas brillin, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe:
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe'.

Первая строфа баллады, самая богатая в словотворческом отношении, была написана автором задолго до появления всего стихотворения в «Зазеркалье». Когда Кэрроллу было 23 года, он поместил это четверостишие в домашнем журнале «Миш-Мэш», который он собственноручно изготовлял и иллюстрировал для развлечения братьев и сестер. Строфа была выполнена в старой орфографии, напоминающей знаки рунического письма, и приведена под заголовком «Stanza of Anglo-Saxon Poetru». Далее Кэрролл, подобно истинному исследователю англосаксонского наследия, анализирует эти «древние письмена» и дает интерпретацию содержащихся в них словесных головоломок. Результат его анализа оказался следующим: